

ЧАСТЬ I РОССИЯ

Зима 1919 года. Сибирь

В ДОРОГЕ

Ранние зимние сумерки бросают длинные тени на дорогу. Там, где только что закатилось солнце, на снегу еще лежат алые отсветы. По краю горизонта смутно угадываются очертания то ли городской окраины, то ли большой деревни. В неподвижном воздухе высоко поднимаются вдали столбы дыма из печных труб.

Слышно, как скрипят по снегу полозья саней, всхрапывая, натужно дышит уставшая лошадь. По еще неплотному накатанному снежному насту движутся простые глубокие крестьянские розвальни с впряженной в них неказистой лошадкой.

На санях, спереди на облучке, устроился с кнутом заросший по самые уши звероватого вида мужик

в просторной овчине. Голову прикрывает потертая шапка с низко упавшим меховым козырьком и свободно болтающимися ушами. Сани еле тащатся, они сверху нагружены чем-то тяжелым, покрытым в несколько слоев грязной рваной рогожей в темных заскорузлых пятнах. Мужик по русскому обычаю не то чтобы поет, а мычит под нос что-то свое, что скорее напоминает прерывистый стон, чем задушевную песню.

Откуда-то издалека раздаются едва различимые глухие одиночные выстрелы.

Путешествие на ночь глядя по глухим сибирским дорогам не сулит ничего хорошего. Но мужик, по-видимому, не из трусливых, он спокоен и несуетлив.

Далекое селение за его спиной с редкими высокими дымами скрывается за горизонтом.

В лощинке сбоку в поле зрения внезапно возникают два гарцующих всадника в армейских полушубках. На папахах ярко выделяются красные ленты, идущие наискосок. У каждого за спиной перекинута винтовка. Оглядевшись окрест и увидев на дороге мужика с груженными санями, они резко меняют направление и пускаются на рысях вдогонку. Мужик краем глаза замечает появившихся в отдалении всадников, оборачивается, чтобы получше их разглядеть, и, не меняясь в лице, не выражая никаких эмоций, продолжает тянуть свою песню.

Всадники гикают, стреляют в воздух, кричат вознице:

— Стой! Осади!

Мужик неспешно останавливается. Не оборачиваясь, ждет, когда те подъедут поближе.

Всадники настроены решительно:

— Чего везешь, контра?! Давай сюда, что там у тебя, хлеб?! Какой товар, говорю!

Их намерения не вызывают сомнений: мужика хотят ограбить.

Солдаты спешиваются и, немного потоптавшись у са-ней и размяв ноги, принимаются прикладами сбрасывать грязную рогожу.

Под рогожей открывается гора скрюченных на морозе трупов со смерзшейся кровью на остатках одежды.

Красноармейцы разочарованно сплевывают и чертыхаются. Их интерес к поклаже пропадает на глазах. Видимо, такое им не в диковинку.

— Откуда такие? Сколько ж их тут? — цыкая зубом, лениво спрашивает один из солдат. Мужик машет головой через плечо, указывая на городишко:

— Вестимо, откуда. А сколько, не считал. Сколько наложили, столько и будет. Аль посчитать хотите? Считайте, считайте, все ли в сохранности. Считай, нам не жалко.

Всадники снова сплевывают.

— Ну, ты, не балуй тут, знаешь-понимаешь! Наша власть строгая. Документ имеешь?

— А то! Куда ж нам без документа? — Мужик степенно достает из-за пазухи какую-то бумажку.

Красноармейцы с серьезными лицами вертят и мнут ее в руках, видимо, не умея читать. Потоптавшись немного, они принимают решение:

— Давай воротимся к ротному, он грамотный, небось разберет.

К мужику:

— А ты стой туточки со своим «товаром», пока мы обернемся, понял? Документ у тебя конхвискуем покуда, понял?

Другой с многозначительным видом дополняет товарища где-то им слышанной и понравившейся фразой:

— До выяснения обнаруженных обстоятельств! — и поднимает указательный палец.

Мужик оказался покладистым.

— Понял, конечно, как не понять. Можно и постоять, отчего ж, оно и коню надо роздых дать. Куда я без документа денусь, обожду, конечно.

Так и не сойдя с саней во время всего разговора, он поудобнее устраивается на сиденье, будто и вправду намеревается дожидаться здесь ответа ротного.

Красноармейцы взбираются на лошадей и, гикнув, поворачивают назад. Винтовки болтаются у них за спиной.

Не успевают они отъехать и десяти метров, как мужик не спеша достает из-под овчины обрез и со своего места, почти не целясь, укладывает всадников одного за другим.

Их лошади, лишившись седоков, пробегают немного вперед и нерешительно останавливаются на дороге поодаль...

Подобрав полы большого овчинного тулупа, мужик сходит с саней, отбирает «документ» и деловито прячет у себя на груди.

Становится заметно, что он высок и силен, движения у него точные и быстрые и вообще он весьма расторопен. Он подходит к лошадям, уверенно поглаживает их по крупу, треплет морду, успокаивает и на всякий случай проверяет чересседельные сумки. Не найдя ничего интересного, свистом отгоняет лошадей, те отбегают назад по дороге и скрываются из виду.

Убитых красноармейцев мужик волоком тащит к своим саням. Обрывает на ходу красные ленты на папах, а

комкает и бросает в сугроб, присыпает снегом. Осматривает их винтовки, щелкая затворами, и заталкивает к себе под сиденье. После этого привычно устраивает убитых сверху на розвальни, все так же что-то бормоча под нос.

Пока он возится в санях, смерзшиеся трупы смещаются, и среди них открывается невероятной красоты юное девичье лицо в обрамлении разметавшихся пепельных волос. Под глазами залегли страшные иссиня-черные глубокие тени.

Мужик замирает, как от удара, и долго стоит над девушкой неподвижно, не смея прикоснуться, пока у нее на спекшихся губах редкого прекрасного рисунка медленно-медленно тает упавшая крупная снежинка...

От этого лица веет вечностью и неземным просветлением.

Мужик, очнувшись наконец, бережно поправляет на девушке выглядывающую местами теплую беличью шубейку, стараясь укутать получше и потеплей, и аккуратно закрывает сверху сани той же рогожкой.

Очевидно, именно таким странным образом, между смерзшимися телами убитых, он надежнее всего смог упрятать свой бесценный груз.

Мужик взбирается на свое место возницы и трогает лошадь, все так же приговаривая, будто все еще продолжая разговор с красноармейцами:

— Сосчитай, поди, всех не сосчитаешь, да и кто считать-то будет?

* * *

Низко над дорогой, еще прижимаясь к горизонту, в фиолетовом небе восходит первая, пронзительно яркая, дрожащая на морозе крупная звезда.